

Субъект проекта реконцептуализации субъекта: проблема ответственности

В.Ю. Кузнецов

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Р.Р. Карнеев

Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация

В статье исследуется тенденция к реконцептуализации субъекта в постнеклассической философии и анализируется трансформация проблемы ответственности в контексте современного человеко-машинного взаимодействия. Реконцептуализация субъекта предусматривает концептуальное переосмысление классического философского субъекта с учетом его критики проектом деконцептуализации субъекта. Авторами выделено три этапа концептуальной работы с субъектом: классическая концептуализация, предпринятая философией Нового времени; проект деконцептуализации, предпринятый неклассической философией; современный проект реконцептуализации, который авторы соотносят с постнеклассической философией. Одним из важнейших моментов перехода от деконцептуализации к реконцептуализации субъекта становится проблема ответственности. В случае проекта деконцептуализации пытались заменить классического субъекта внешними объективными силами, которые систематически влияют на него и в пределе лишают его субъектности. Соответственно, предпринимаются попытки переосмыслить и проект деконцептуализации, и самого субъекта, что выражается в отказе от отказа от субъекта. Авторы предлагают концепт пересборки субъекта. Субъект предстает как способный к самостоятельному действию продукт сложного процесса онто-, филогенетического развития и интериоризации различных компонентов. В рамках пересборки субъект продолжит нести ответственность за свои действия, поскольку он, несмотря на отсутствие центра или «природной» сущности, оказывается способным к перепрограммированию себя и самостоятельным действиям. Особое внимание уделяется актуализации проекта пересборки субъекта в контексте человеко-машинного взаимодействия. Развитие систем искусственного интеллекта приводит к формированию сложностного

континуума, в котором традиционная дихотомия субъекта и объекта заменяется динамической сетью распределенной субъектности. Концепт субъектной мембраны описывает избирательную проницаемость границ субъекта и позволяет описать процесс интеграции технических элементов в субъекта без утраты им способности к рефлексии и ответственности. Рассматривается проблема делегирования ответственности техническим системам и определения этически допустимых границ конструирования техносубъектности. Проект реконцептуализации не просто реабилитирует концепт ответственности, но расширяет его горизонт, переводя из сферы индивидуальной морали в область системной архитектурной этики.

Ключевые слова: проблема субъекта, пересборка, пересборка субъекта, ответственность, проблема ответственности, деконцептуализация субъекта, техносубъект, искусственный интеллект, медиационное мышление.

Кузнецов Василий Юрьевич – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

vassilik@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1288-5016>

Карнеев Родион Рафаэлевич – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии Российской академии наук.

rkarneev@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9724-7680>

Для цитирования: *Кузнецов В.Ю., Карнеев Р.Р. Субъект проекта реконцептуализации субъекта: проблема ответственности // Философские науки. 2025. Т. 68. № 3. С. 77–92.*

DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-77-92

Subject of the Project of Reconceptualizing the Subject: The Problem of Responsibility

V.Yu. Kuznetsov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

R.R. Karneev

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Abstract

The article examines the trend toward reconceptualizing the subject in post-non-classical philosophy and analyzes how the problem of responsibility transforms within contemporary human–machine interaction. Reconceptualizing the subject involves conceptually rethinking the classical philosophical subject while accounting for critiques advanced by the deconceptualization project. The authors identify three stages of conceptual engagement with the subject: classical conceptualization undertaken by early modern philosophy; the deconceptualization project pursued by non-classical philosophy; and the contemporary reconceptualization project, which the authors situate within post-non-classical philosophy. The problem of responsibility emerges as one of the most critical junctures in the transition from deconceptualization to reconceptualization. The deconceptualization project attempted to replace the classical subject with external objective forces that systematically influence and ultimately strip it of agency. This has prompted efforts to rethink both the deconceptualization project and the subject itself, manifesting as a refusal to refuse the subject. The authors propose the concept of reassembling the subject, whereby the subject emerges as an agent capable of autonomous action through a complex process of ontogenetic and phylogenetic development alongside the internalization of various components. Through reassembling, the subject retains responsibility for its actions because, despite lacking a fixed center or “natural” essence, it remains capable of self-reprogramming and autonomous agency. Particular attention is given to actualizing the subject reassembling project within human–machine interaction. The development of artificial intelligence systems generates a complexity continuum wherein the traditional subject–object dichotomy gives way to a dynamic network of distributed subjectivity (agency). The concept of the subjective membrane describes the selective permeability of subjective boundaries, allowing for the integration of technical elements without sacrificing the subject’s capacities for reflection and responsibility. The authors discuss the problem of delegating responsibility to technical systems and establishing ethically permissible boundaries for constructing technosubjectivity. The reconceptualization project not only rehabilitates the concept of responsibility but expands its scope, shifting it from individual morality to systemic architectural ethics.

Keywords: problem of subject, reassembly, reassembling the subject, responsibility, problem of responsibility, deconceptualization of subject, technosubject, artificial intelligence, mediational thinking.

Vasily Yu. Kuznetsov – D.Sc. in Philosophy, Associate Professor, Department of Ontology and Theory of Knowledge, Faculty of Philosophy, Moscow State University

vassilik@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1288-5016>

Rodion R. Karneev – Ph.D. in Philosophy, Research Fellow, Department of Interdisciplinary Problems in the Advance of Science and Technology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

rkarneev@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9724-7680>

For citation: Kuznetsov V.Yu. & Karneev R.R. (2025) Subject of the Project of Reconceptualizing the Subject: The Problem of Responsibility. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 68, no. 3, pp. 77–92. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-77-92

Введение

Современный этап концептуализации субъекта будем называть *реконцептуализацией* [Карнеев 2022; Карнеев, Мухортов 2022]. Каким образом появился этот термин? Если генеалогически проследить способы концептуальной работы с субъектом, которые предлагались и предполагаются философией, то типологически их можно объединить в три стратегии. Концептуализация субъекта классической нововременной философией, деконцептуализация субъекта и его реконцептуализация. Концептуальным контекстом каждого из трех способов работы с субъектом являются три типологических эпохи, которые многие мыслители выделяют в философии, а именно: классика – неклассика – постнеклассика [Кузнецов 2008; Степин 2009; Буданов 2015]. Соответственно, можно предположить некую типологическую гомологию между классикой и классической концептуализацией субъекта, неклассикой и деконцептуализацией субъекта, а постнеклассика оказывается связанной с современной реконцептуализацией субъекта.

Каким образом три философские концептуализации субъектности¹ сопряжены с проблемой ответственности? Предварительно можно утверждать, что существует непосредственная связь между концептуализацией субъектности и проблемой ответственности. Чтобы ее эксплицировать, необходимо вкратце описать то, что понимали и/или понимают под субъектом в рамках каждого из трех выделенных нами проектов.

¹ Мы различаем термины «субъектность» и «субъективность». Субъектность – то, что делает субъекта субъектом. Субъективность – качества, которые отличают конкретных субъектов с их индивидуальными идиосинкратическими особенностями восприятия и переживания (квалиа), а также с их спецификой внутреннего жизненного мира.

Перспективой этого рассмотрения будет вопрос ответственности. Кто будет нести ответственность? Кому мы (или какой-нибудь Большой Другой [Жижек 2014]) можем вменить ответственность? Кто, собственно говоря, действует? По всей видимости, ответом на поставленные вопросы послужит референция к субъекту. Но каким должен быть субъект, который будет способен нести ответственность за свои действия?

Эти вопросы приобретают особую значимость в современной ситуации развития нейросетей и формирования сложных континуумов человеко-машинного взаимодействия. Классическая дихотомия субъекта и объекта оказывается недостаточной для описания новых форм распределенной субъектности, возникающих в гибридных человеко-машинных системах. В контексте этого проект реконцептуализации субъекта должен учитывать не только интериоризацию социокультурных компонентов, но и интеграцию технических элементов, конституирование техносубъектности и проблему делегирования ответственности нечеловеческим акторам. Соответственно, помимо анализа трех исторических проектов работы с субъектом, необходимо рассмотреть специфику пересборки субъекта в условиях совместных гибридных (пере)сборок человеческих и нечеловеческих акторов, что позволит выявить новые измерения проблемы ответственности в постнеклассической философии.

Концептуализация и деконцептуализация субъекта

Классическая философия отождествляла субъекта с активным «Я», предназначенным для целенаправленной деятельности. Субъект Нового времени был прежде всего субъектом познания, поэтому эмпирический субъект (человек) рассматривался как носитель субъективных мнений и предрассудков. Основанием познания выступал надындивидуальный, трансцендентальный субъект – носитель общезначимых структур [Кант 1994]. Наличие этих структур обеспечивало нормативность: трансцендентальный субъект открывал «врата» нравственности для эмпирического. Человек мыслился как полная и свободная причина собственных действий, способная нести за них ответственность.

Однако изложенное понимание субъекта ставило перед философией неразрешимые проблемы. Например, почему субъект оказывается свободным и может нести ответственность за свои действия и поступки, если имеется цепь физических причин, которые, на первый взгляд, детерминируют все его поступки? Почему мы допускаем в то, что из одинаковых причин в каж-

дый последующий момент может возникнуть другое следствие [Юм 1996; Мейясу 2015]? Почему мы уверены в единстве и воспроизводимости нашего мира? Заданная надындивидуальная сущность в виде трансцендентального субъекта помогала Канту обойти вышеуказанные трудности и проблемы. Тем не менее обоснование существования подобного рода надындивидуальной сущности представляло собой большую проблему, особенно для разрешения вопросов о свободе, ответственности и самостоятельном существовании субъекта в философских теориях и концепциях.

Неклассическая философия (Ницше, Фрейд, Маркс) [Фуко 1994] поставила под сомнение активность, свободу и ответственность субъекта. Классические представления о субъекте были концептуально ограничены. Сформировались тенденции к построению неклассических онтологий, эпистемологий и этик. Под вопрос были поставлены цели и ценности, что привело к формированию аксиологии [Ницше 2012; Риккерт 1998]. Акцент сместился на эмпирического субъекта, предпринимались попытки его дестрансцендентализации. Субъект получил телесное воплощение и желания, а также оказался смертным, зависимым от условий собственного существования.

К тому же основным отличием деконцептуализации от классической концептуализации субъекта является ее нацеленность на объяснение субъекта с точки зрения объекта и в пределе сведение субъекта к внешним по отношению к нему силам. Субъект оказывается зависимым от объекта, объективных факторов, контекстов, сил и т.д. Такими внешними объективными силами могут выступать, например, классы (Маркс), общество (Дюркгейм), дискурс (Фуко), бессознательное (Фрейд, Лакан). Таким образом, последовательно проведенная линия деконцептуализации субъекта в пределе лишает субъекта ответственности за поступки. В таком случае виноватым оказывается не субъект действия, не действующий актер, а, например, общество, власть, эдипальные отношения, классовые диспозиции. При этом ответственность с субъекта снимают, что неприемлемо ни практически, ни теоретически.

Реконцептуализация и пересборка субъекта

Проект реконцептуализации нацелен на преодоление программы деконцептуализации. С этой точки зрения, субъект – продукт внешних объективных сил, однако становится субъектом и может проявлять собственную субъектность [Брайдотти 2021; Badiou 1988].

Это предполагает наличие ответственности субъекта за свои поступки.

Проект реконцептуализации соединяет два тезиса. Первый – внешние силы влияют на субъекта, но не детерминируют полностью его субъектность. Второй – именно благодаря этим силам субъект становится субъектом. «Внешние» социокультурные компоненты становятся важными составляющими «внутреннего» устройства субъекта. Например, человек рождается в контингентной среде, и в определенный момент признается субъектом с точки зрения государства («первое рождение»). Затем следует «второе рождение» – субъект пересобирает себя из наличных компонентов, целей и ценностей, свободно работая с ними. Субъект несет ответственность в обоих случаях благодаря интерпелляции внешними элементами. Подобный процесс определен как *пересборка субъекта*.

Термин «пересборка» заимствован у Б. Латура [Латур 2014]. Под пересборкой понимается результат «длительного и сложного процесса онто- и филогенетического формирования и который вдобавок на определенном уровне развития начинает сам себя программировать» [Кузнецов 2017, 150]. Это понимание предусматривает три концептуальных отказа. Во-первых, отказ от сущностного подхода – нет универсальных структур, маркирующих субъектность [Badiou 1991]. Властно-дискурсивные инстанции дают субъекту инструменты «выхода» и операционализации внешних воздействий. Во-вторых, отказ от предполагаемого центра субъекта. Можно говорить о системном эффекте, событии, собирающем множество компонентов в определенный момент. Этот эффект – результатия: субъект всегда находится в процессе становления [Негарестани 2021], образуя временные сборки. В-третьих, сохраняется возможность вменять субъекту ответственность, несмотря на гетерогенность входящих в него «плагинов» [Латур 2014]. Вариантов пересборки множество, и даже действия при пересборке предполагают ответственность, хотя и субъект ценностным образом, не всегда осознанно выбирает компоненты [Bourdieu 1965]. В этом смысле владение инструментами операционализации (теоретической и практической) входящих компонентов позволяет субъекту наиболее рационально подходить к процессу и пересборки, и концептуальной работы с уже включенными элементами [Лепский 2016]. Бессознательные выборы компонентов, в предельном случае совершаемые согласно целям и ценностям каждого субъекта, тоже подпадают под категорию ответственности. Примером подобного отноше-

ния может служить один из экзистенциалов, который выделяет Хайдеггер в «Бытии и времени» – экзистенциал бытия виновным [Хайдеггер 2013]. Человек (в данном случае мы рассматриваем субъекта как человека, что не отменяет не только того, что современный человек состоит также из нечеловеческих схем и элементов, но и того, что субъект не обязательно является человеком; при этом не следуем за Хайдеггером, критиковавшим концепт субъекта) всегда бытийствует виновным ввиду того, что человеку всегда приходится совершать выбор. Совершая тот или иной выбор, решая и действуя в пользу той или иной возможности, человек лишает себя других возможностей, таких возможностей, которые он *не* выбрал. Поэтому человек чувствует вину за нереализованные возможности. Следовательно, человек *ответственен* за свой выбор, за свои ценности и цели, которые «помогли» и «помогают» ему (субъекту) совершать некие выбор и самостоятельно действовать.

Таким образом, субъект в рамках постнеклассического проекта по его пересборке оказывается ответственен как минимум дважды. Он ответственен за свои действия (поступки) как субъекта. Такие поступки, например, могут быть оценены с точки зрения внешних легитимирующих инстанций, будь то государство с его правовой системой или общество с его системой моральных издержек и противовесов, довлеющих над человеческим субъектом. Он также ответственен за цели и ценности, которые выбирает и разделяет, поскольку пересборка субъекта в строгом смысле предполагает возможность (пусть и неполную) осознания и рефлексии над своими ценностями. Проблематизация целей и ценностей требует перехода к новому типу рациональности, в рамках которого субъект и объект уже не рассматриваются как автономные и независимые друг от друга отдельные сущности (по примеру классики), а вступают в сложный континуум взаимодействий и разного рода, разной сложности итераций [Кузнецов 2022].

Сложностный континуум взаимодействия человеческого и машинного

Можно утверждать, что не существует отдельных автономных и «чистых» сущностей в виде субъекта и объекта. Представляется, что существуют выделенные «идеальные» точки, которые можно назвать терминами «субъект» и «материал». Они ограничивают и одновременно задают континуум взаимодействий. В этот континуум входят не только субъект и предположительное действие субъекта по схватыванию/концептуализации противостоящего

ему материала, но и цели, ценности, средства, с помощью которых происходит такого рода схватывание. Именно эта сложность [Аршинов, Свирский 2016], возникающая при взаимодействии субъекта и материала и включающая в себя сложный континуум отношений, взаимодействий, действий, целей, ценностей, средств не существует самостоятельно. Продуктивным в этом контексте видится концепт мышления «вместе-со-сложностью» [Аршинов, Янукович 2024, 61], который предполагает отход от кибернетической парадигмы контроля в направлении горизонтального сотрудничества человека и технических систем. В таком режиме взаимодействия наблюдатель не просто регистрирует континуум, но активно участвует в его конституировании через коммуникативные акты с нечеловеческими акторами.

Идея сложностного континуума находит воплощение в современных взаимодействиях человека и нейросетей. В этом гибридном пространстве традиционные границы между познающим субъектом и познаваемым объектом не просто размываются, а преобразуются в новую онтологию. Нейросеть перестает быть пассивным инструментом или «материалом»; она становится активным участником, «нечеловеческим партнером» в процессе познания и созидания, обладающим квазисубъектностью [Карнеев 2025, 144–145]. Системы искусственного интеллекта генерируют оригинальный контент, выдвигают гипотезы и демонстрируют адаптивность, функционально имитируя многие аспекты человеческой субъектности, оставаясь при этом в ином модусе существования. В результате возникает феномен «распределенной субъектности», при котором мышление и познание больше не сосредоточены только в человеке, а растекаются по всей познавательной «сети, охватывая разных участников и элементы» [Карнеев 2025, 142]. Таким образом, сложностный континуум представляет собой не пространство субъект-объектного взаимодействия, а динамическую сеть, в которой человеческие и машинные когнитивные процессы взаимно проникают и трансформируют друг друга.

Для описания специфики границ субъекта в условиях человеко-машинного взаимодействия продуктивным оказывается концепт субъектной мембраны. Субъектная мембрана характеризуется избирательной проницаемостью границ субъекта при сохранении внутреннего гомеостаза. Этот концепт позволяет удержать одновременно две важные характеристики: во-первых, субъект остается проницаемым для внешних влияний, технологических расширений и интеграции нечеловеческих элементов; во-вторых,

сохраняются целостность и идентичность субъекта, его способность к самостоятельному действию и ответственности. Субъект и среда (включая технологические артефакты) взаимно детерминируют друг друга через повторяющиеся взаимодействия, сохраняя свою операциональную автономию. В контексте взаимодействия с нейросетями это означает, что человеческий субъект непрерывно пересобирается через интеграцию результатов деятельности искусственных систем, однако не утрачивает субъектности.

В связи с изложенным возникает проблема наблюдателя этого континуума. Соответственно, континуум наблюдения задан с помощью целей, ценностей и средств (в пределе – оптики), которыми пользуется наблюдатель. Из этого следует, что для корректного и полного (т.е. обеспечивающего воспроизводимую надежность) описания континуума требуется учитывать ценности, цели и их влияние на используемые ресурсы описания.

Возникает своего рода парадокс. С одной стороны, мы признаем важную и конституирующую роль субъекта, понимаемого как наблюдателя, осуществляющего познание, которого мы не можем непосредственным образом отмыслить от наблюдаемого континуума. С другой – мы должны устранить субъективность субъекта, т.е. субъективный произвол наблюдателя. Поэтому во избежание путаницы следует выделить уровни наблюдателей [Аршинов 2013]. В связи с этим появляется проблема ответственности наблюдателя. Наблюдатель, чтобы наблюдать и за сложностным континуумом, и за другим(и) наблюдателем(ями), должен ответственно подходить к рационализации собственной оптики наблюдения и к самоописанию. Наблюдатель оказывается источником ответственности, может управлять (в какой-то мере) своим поведением и рационализировать его. В результате подобного рода ответственность может быть пересобрана и иначе рационализирована по мере развития и влияния иных компонентов на процесс наблюдения. В данном контексте объективность (очевидно, не в классическом смысле) [Дастон, Галисон, 2018] является прямой ответственностью и эпистемической добродетелью наблюдателя, которую он может самостоятельно выбрать, отрефлексировать и в итоге пересобрать.

В ситуации гибридной субъектности вопрос ответственности наблюдателя усложняется. Наблюдатель оказывается способным к пересборке не только собственной субъектности, но и к конструированию субъектности систем искусственного интеллекта, делегированию им части ответственности. В акте делегирования ответственности и происходит конституирование того, что можно

назвать техносубъектом. Техносубъектность – это не автономная сущность, а эмерджентный эффект сопряжения человеческого и машинного. Процесс пересборки техносубъекта предполагает изменение параметров взаимодействия, переопределение делегируемых функций, модификацию алгоритмических структур и в итоге трансформацию принципов проекта человеко-машинной сборки. Кроме того, пересборка должна происходить таким образом, чтобы цели и ценности техносубъекта были согласованы с целями и ценностями человека.

Ввиду этого следует поставить вопросы о границах, в которых целесообразно и этически допустимо конструировать техносубъектность. Какой степени автономности и агентности следует достигать техническим системам? В каких ситуациях делегирование ответственности техносубъекту оказывается оправданным, а в каких – проблематичным? Где проходит граница между продуктивным конструированием гибридной субъектности и проблематичным растворением человеческой ответственности в техносистеме? Эти вопросы не имеют универсального ответа и требуют контекстуального рассмотрения в каждом случае человеко-машинного взаимодействия, причем их рассмотрение может потребовать создания институтов социальной экспертизы, способных оценивать не только технологические, но и антропологические аспекты [Буданов 2024, 45, 48], формирования культуры медиационного мышления между человеком и машиной [Давыдов 2024, 120–121]. Однако постановка этих вопросов указывает на необходимость разработки новой этики субъектности и новых механизмов ответственности, которые как учитывали бы распределенный характер агентности в гибридных системах, так и сохраняли бы центральную роль человеческого субъекта как инстанции, способной к рефлексии, критической оценке и в итоге устанавливающей цели и ценности конфигурации человеко-машинной сборки.

Заключение

Итак, нами проанализировано три концептуальных подхода к субъекту. Мы рассмотрели классическую концептуализацию субъекта, которую можно соотнести с классической философией Нового времени; деконцептуализацию субъекта, которая, по нашему мнению, типологически соотносится с неклассической философией (начиная от Ницше, Фрейда и Маркса); завершили исследование анализом современной философской ситуации постнеклассики, которая характеризуется проектом реконцеп-

туализации субъекта. Одним из главных способов реконцептуализации субъекта в современной философии служит пересборка субъекта, при которой его понимают как сложное онто- и филогенетическое образование, формирующееся в процессе развития. Субъект оказывается становящейся фигурой, которая интериоризирует внешние по отношению к нему многообразные объективные компоненты, но непосредственно к ним не сводится, как предполагала философия проекта деконцептуализации субъекта. Вместе с тем проект реконцептуализации субъекта не отказывается от его ответственности. Последовательно проведенная линия деконцептуализации субъекта, в рамках которой выявлялись объективные внешние силы, систематически влияющие на него и в пределе сводящие его к объекту, лишает субъект ответственности. Действительно, если мы признаем полную и тотальную детерминацию субъекта объективными силами, то должны вменить ответственность не ему, а этим внешним силам. Такая ситуация обесценивает понятие ответственности и делает его бессмысленным. Соответственно, в рамках проекта реконцептуализации субъекта в общем и пересборки субъекта в частности можно утверждать, что понятие ответственности сохраняется и ответственность может быть вменена субъекту, под которым следует уже подразумевать не только и не столько человека.

Проект пересборки субъекта в современной ситуации обнаруживает свою актуальность в контексте сложностного континуума взаимодействия человеческого и машинного. Появление нейросетей как «нечеловеческих партнеров» трансформирует традиционную онтологию, заменяя дихотомию «субъект – объект» динамической сетью распределенной субъектности. В этой гибридной реальности, в которой познание и действие являются эмерджентным свойством всей системы, классическое понимание ответственности становится недостаточным. В рамках сложностного человеко-машинного континуума ответственность перемещается с изолированного автономного субъекта на распределенную гибридную систему. Но вместе с тем сохраняется возможность вменения ответственности человеческому субъекту как той инстанции, которая осуществляет конечную сборку и пересборку системы взаимодействий в целом. Объективность в этом контексте становится не столько свойством отдельного наблюдателя, сколько эмерджентным качеством всей человеко-машинной системы наблюдения, в которой различные перспективы – человеческие и машинные – взаимно корректируют и дополняют друг друга, создавая более богатую и многомерную картину наблюдаемого.

Процесс пересборки техносубъекта предполагает изменение параметров взаимодействия, переопределение делегируемых функций и трансформацию принципов человеко-машинной сборки таким образом, чтобы цели и ценности техносубъекта были согласованы с целями и ценностями человека.

Ввиду этого проект реконцептуализации субъекта не просто реабилитирует концепт ответственности, но и кардинально расширяет его горизонт. Он переводит его из сферы индивидуальной морали в область системной архитектурной этики. В результате, возможно, потребуется разработка нового идеала рациональности для более детальной и конкретной проработки техносубъекта, возникающего на стыке человеко-машинных сборок. Речь идет о субъекте, главная ответственность которого заключается в осознанном и критическом проектировании таких гибридных форм разума и действия, внутри которых ему предстоит в дальнейшем существовать и действовать.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аршинов 2013 – *Аршинов В.И.* Чем для меня является постнеклассическая наука? // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 36. № 2. С. 92–95.

Аршинов, Свирский 2016 – *Аршинов В.И., Свирский Я.И.* Сложный мир и его наблюдатель. Часть вторая // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 1. С. 78–91.

Аршинов, Янукович 2024 – *Аршинов В.И., Янукович М.Ф.* Проблема техносубъекта в оптике мышления «вместе-со-сложностью» // Философские науки. 2024. Т. 67. № 3. С. 53–74.

Брайдотти 2021 – *Брайдотти Р.* Постчеловек. – М.: Логос, 2021.

Буданов 2015 – *Буданов В.* Трансдисциплинарные дискурсы постнеклассики: познание, коммуникация, самоорганизация в антропосфере // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца. – М.: Навигатор, 2015. С. 145–159.

Буданов 2024 – *Буданов В.Г.* Техносубъект и антропосоциальные проблемы взаимодействия с искусственным интеллектом: синергия, демаркация, новая рациональность, риски // Философские науки. 2024. Т. 67. № 3. С. 27–52.

Давыдов 2024 – *Давыдов А.П.* «Середина» как метод: поиск социоиндивидуального // Философские науки. 2024. Т. 67. № 4. С. 114–135.

Дастон, Галисон, 2018 – *Дастон Л., Галисон П.* Объективность. – М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Жижек 2014 – *Жижек С.* Щекотливый субъект. Отсутствующий центр политической онтологии. – М.: Дело, 2014.

Кант 1994 – *Кант И.* Критика практического разума // *Кант И.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. – М.: Чоро, 1994.

Карнеев 2022 – *Карнеев Р.Р.* Проект реконцептуализации субъекта: незавершенная сборка // Концепт: философия, религия, культура. 2022. Т. 6. № 1. С. 7–19.

Карнеев 2025 – *Карнеев Р.Р.* Пересборка субъекта и субъектная мембрана: философское осмысление образования в эпоху нейросетей // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 6. С. 136–151.

Карнеев, Мухортов 2022 – *Карнеев Р.Р., Мухортов А.С.* Философия как практика: духовные упражнения и создание концептов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. Т. 73. № 4. С. 125–129.

Кузнецов 2008 – *Кузнецов В.Ю.* Сдвиг от классики к неклассике и наращивание порядков рефлексии в философии // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2008. № 1. С. 3–18.

Кузнецов 2017 – *Кузнецов В.Ю.* Пересборка субъектов и проблема развития // Философия науки и техники. 2017. Т. 22. № 2. С. 148–156.

Кузнецов 2022 – *Кузнецов В.Ю.* Постнеклассическое единство мира. – М.: РИПОЛ классик, 2022.

Латур 2014 – *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: ИД Высшей школы экономики, 2014.

Лепский 2016 – *Лепский В.* Аналитика сборки субъектов развития. – М.: Когито-Центр, 2016.

Мейясу 2015 – *Мейясу К.* После конечности: эссе о необходимости контингентности. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015.

Негарестани 2021 – *Негарестани Р.* Работа нечеловеческого // Логос. 2021. Т. 31. № 3. С. 1–38.

Ницше 2012 – *Ницше Ф.* Генеалогия морали // *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. – М.: Культурная Революция, 2012.

Риккерт 1998 – *Риккерт Г.* О системе ценностей // *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. С. 363–391.

Степин 2009 – *Степин В.С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. – СПб.: Мирь, 2009. С. 249–295.

Фуко 1994 – *Фуко М.* Ницше, Фрейд, Маркс // Кентавр. 1994. № 2. С. 48–56.

Хайдеггер 2013 – *Хайдеггер М.* Бытие и время. – М.: Академический Проект, 2013.

Юм 1996 – *Юм Д.* Трактат о человеческой природе // *Юм Д.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1996.

Badiou 1988 – *Badiou A.* L'être et évènement. – Paris: Seuil, 1988.

Badiou 1991 – *Badiou A.* On a Finally Objectless Subject // Who Comes after the Subject? / ed. by E. Cadava, P. Connor, J.-L. Nancy. – New York: Routledge, 1991. P. 24–32.

Bourdieu 1965 – Bourdieu P. Culte de l'unité et différences cultivées // Un art moyen. Essai sur les usages sociaux de la photographie / sous la dir. de P. Bourdieu. – Paris: Minuit, 1965. P. 32–106.

REFERENCES

Arshinov V.I. (2013) What is Post-Non-Classical Science for Me? *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 36, no. 2, pp. 92–95 (in Russian).

Arshinov V.I. & Svirskiy Ya.I. (2016) The Complex World and its Observer. Part Two. *Filosofiya nauki i tekhniki = Philosophy of Science and Technology*. Vol. 21, no. 1, pp. 78–91 (in Russian).

Arshinov V.I. & Yanukovich M.F. (2024) The Issue of Technosubject through the Lens of “Together-with-Complexity” Thinking. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 3, pp. 53–74. (in Russian).

Badiou A. (1988) *L'être et évènement*. Paris: Seuil (in French).

Badiou A. (1991) On a Finally Objectless Subject. In: Cadava E., Connor P., & Nancy J.-L. (Eds.) *Who Comes after the Subject?* (pp. 24–32). New York: Routledge.

Bourdieu P. (1965) Culte de l'unité et différences cultivées. In: Bourdieu P. (Ed.) *Un art moyen. Essai sur les usages sociaux de la photographie* (pp. 32–106). Paris: Minuit (in French).

Braidotti R. (2021) *The Posthuman*. Moscow: Logos (Russian translation).

Budanov V. (2015) Transdisciplinary Discourses of Post-Non-Classics: Cognition, Communication, Self-Organization in the Anthroposphere. In: Bazhanov V. & Scholz R.W. (Eds.) *Transdisciplinarity in Philosophy and Science: Approaches, Problems, Prospects* (pp. 145–159). Moscow: Navigator (in Russian).

Budanov V.G. (2024) Technosubject and Anthroposocial Challenges of Human–Artificial Intelligence Interaction: Synergy, Demarcation, New Rationality, and Risks. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 3, pp. 27–52 (in Russian).

Daston L. & Galison P. (2018) *Objectivity*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (Russian translation).

Davydov A.P. (2024) The “Middle” as a Method: In Search for the Socio-Individual. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki* (in Russian).

Foucault M. (1994) Nietzsche, Freud, Marx. *Kentavr*. No. 2, pp. 48–56 (Russian translation).

Heidegger M. (2013) *Being and Time*. Moscow: Akademicheskii proekt (Russian translation).

Hume D. (1996) A Treatise of Human Nature. In: Hume D. *Works in 2 Vols.* (Vol. 1). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Kant I. (1994) Critique of Practical Reason. In: Kant I. *Collected Works in 6 Vols.* (Vol. 4). Moscow: Choro (Russian translation).

Karneev R.R. (2022) Project of Reconceptualization of the Subject: Unfinished Assembly. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura*. Vol. 6, no. 1, pp. 7–19 (in Russian).

Karneev R.R. (2025) Reassembly of the Subject and the Subject Membrane: Philosophical Understanding of Education in the Era of Neural Networks. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 34, no. 6, pp. 136–151 (in Russian).

Karneev R.R. & Mukhortov A.S. (2022) Philosophy as Practice: Spiritual Exercises and the Creation of Concepts. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura = The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. Vol. 73, no. 4, pp. 125–129 (in Russian).

Kuznetsov V.Yu. (2008) The Shift from Classics to Non-Classics and the Increase in Orders of Reflection in Philosophy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya = Lomonosov Philosophy Journal*. No. 1, pp. 3–18 (in Russian).

Kuznetsov V.Yu. (2017) Reassembly of Subjects and the Problem of Development. *Filosofiya nauki i tekhniki = Philosophy of Science and Technology*. Vol. 22, no. 2, pp. 148–156 (in Russian).

Kuznetsov V.Yu. (2022) *Post-Non-Classical Unity of the World*. Moscow: RIPOL klassik (in Russian).

Latour B. (2014) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow: HSE Publishing House (Russian translation).

Lepskiy V. (2016) *Analytics of the Assembly of Development Subjects*. Moscow: Kogito-Tsentr (in Russian).

Meillassoux Q. (2015) *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency*. Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy (Russian translation).

Negarestani R. (2021) The Labor of the Inhuman. *Logos*. Vol. 31, no. 3, pp. 1–38 (Russian translation).

Nietzsche F. (2012) On the Genealogy of Morality. In: Nietzsche F. *Complete Works in 5 Vols.* (Vol. 5). Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya (Russian translation).

Rickert H. (1998) On the System of Values. In: Rickert H. *Science and History: A Critique of Positivist Epistemology* (pp. 363–391). Moscow: Respublika (Russian translation).

Stepin V.S. (2009) Classics, Non-Classics, Post-Non-Classics: Criteria for Distinction. In: Kiyashchenko L.P. & Stepin V.S. (Eds.) *Post-Non-Classics: Philosophy, Science, Culture* (pp. 249–295). Saint Petersburg: Mir (in Russian).

Žižek S. (2014) *The Ticklish Subject: The Absent Centre of Political Ontology*. Moscow: Delo (Russian translation).